

Тристрам?

Сэр же Тристрам при виде такой их печали только дивился.

– Увы! – сказал сэр Ланселот королю Артуру, – что сделали вы? Ведь вы лишитесь славнейшего из мужей при вашем дворе.

– Сэр, таково было его собственное желание, – отвечал король Артур, – и тут я был бессилен, ибо я сделал все, что возможно, и заставил их примириться.

– Примириться? – воскликнул сэр Ланселот. – Не много стоит такое примирение! Вы скоро услышите, что он убил сэра Тристрама либо бросил его в темницу, ибо он – трусливейший и коварнейший из рыцарей и королей на свете.

И с тем сэр Ланселот ушел и явился к королю Марку и сказал ему так:

– Сэр король, знай, что добрый рыцарь сэр Тристрам отправляется вместе с тобою. Смотри, воздержись от предательства, говорю тебе, ибо если причинишь ты зло этому рыцарю каким-нибудь коварством или обманом, то, клянусь моей верностью Господу и высокому Ордену Рыцарства, я убью тебя моими собственными руками!

– Сэр Ланселот, лишние эти речи, ведь я дал клятву и во всеуслышанье повторил ее пред королем Артуром и всеми рыцарями, и позор бы мне был великий, если б нарушил я мое слово.

– Добро вы говорите, – сказал сэр Ланселот, – но у вас слава столь коварного и лицемерного рыцаря, что верить вам невозможно. Клянусь Богом, всем известно, ради какой причины прибыли вы в эту страну: вы прибыли не для чего иного, но лишь для того, чтобы убить сэра Тристрама!

И вот, при всеобщей печали, выехали вместе король Марк и сэр Тристрам. Ибо таковы были воля сэра Тристрама и желание – отправиться вместе с королем Марком, и все это лишь затем, чтобы увидеть Прекрасную Изольду, ибо, не видя ее, не в силах был сэр Тристрам долее жить.

17

А мы теперь вновь обратимся к сэру Ламораку и поведем речь об его братьях: сэр Тор был первенцем короля Пелинора, рожденным женой скотопаса Ария, и потому он был незаконнорожденным; а сэр Агловаль был его первенцем, рожденным в браке; а также сэр Ламорак, Дарнард и Персиваль – они тоже были его законными сыновьями.

И вот когда король Марк и сэр Тристрам отъехали из Камелота, все там жестоко сокрушались и печалились отъезду сэра Тристрама. И восемь дней ни король, ни его доблестные рыцари не знали никаких развлечений.

Но по прошествии тех восьми дней прибыл ко двору рыцарь и с ним юный паж, и, когда этот рыцарь снял доспехи, он прошел к королю Артуру и просил, чтобы его юного пажа произвели в рыцари.

– А какого он рода? – спросил король.

– Сэр, – отвечал рыцарь, – он сын короля Пелинора, некогда сослужившего вам добрую службу, и брат сэру Ламораку Уэльскому, доброму рыцарю.

– Добро, – сказал король. – А что за причина вам хлопотать, чтобы я возвел его в рыцари?

– Знаете же, господин мой король, что этот юный паж и мне приходится братом, как и сэру Ламораку, мое же имя – Агловаль.

– Сэр Агловаль, – молвил Артур, – ради сэра Ламорака и ради отца его он будет завтра возведен в рыцарское достоинство. А теперь скажите мне, – спросил Артур, – как его имя?

– Сэр, – отвечал рыцарь, – его имя Персиваль Уэльский. И вот на следующий день в Камелоте король посвятил его в рыцари. Но и сам король, и все рыцари полагали, что еще немало времени пройдет, прежде чем он выкажет себя достойным рыцарского звания. И потому на обеде, когда король сел за стол, а следом и все рыцари – каждый по своему достоинству, король повелел ему сесть с простыми рыцарями, и сэр Персиваль там и сел, где повелел ему король.

А среди приближенных королевы была там одна девица, она была высокого рождения, но немая, и за всю жизнь не произнесла ни слова. И теперь вдруг вошла она прямо в дворцовую залу, приблизилась к сэру Персивалю, взяла его за руку и сказала громко, так что и король, и все рыцари услышали:

– Встань, сэр Персиваль, благородный рыцарь, рыцарь Божий, и следуй за мною!

Он поднялся, и она подвела его с правой стороны к Погибелю сиденью и сказала так:

– Любезный рыцарь, займи вот это место, ибо тебе оно принадлежит, и никому иному.